

НОВОЕ О ЛЕРМОНТОВЕ

I. ДВА НОВЫХ АВТОГРАФА ЛЕРМОНТОВА

Сообщение Н. Пахомова

В то время как пушкинское наследство непрерывно растет, внося страницы новых стихов и прозы, мы — несмотря на широкое опубликование массы архивных документов за последние 15 лет — почти не встречаем среди них имени Лермонтова. Поэтому всякие сведения о Лермонтове и каждая его новая строчка особенно ценны для нас.

Публикуемые ниже автографы двух набросков стихотворений М. Ю. Лермонтова¹ попали ко мне в руки среди других архивных материалов, принадлежавших ранее Елизавете Алексеевне Карлгоф, по второму мужу Драшусовой. Среди этих материалов, состоящих из писем Дениса Давыдова, Е. Баратынского, пачки писем и стихотворений В. Бенедиктова, центральное место занимает альбом самой Е. А. Карлгоф, в котором встречаются имена всех тогдашних знаменитостей литературного и артистического мира.

Елизавета Алексеевна Ашанина, вышедшая затем замуж за писателя Вильгельма Ивановича Карлгофа, а после его смерти за профессора астрономии Московского университета А. Н. Драшусова, оставила свои воспоминания, напечатанные в «Русском Вестнике» за 1881—1884 гг. под заглавием «Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвестной».

После замужества она попадает в Петербург и оказывается невольной хозяйкой литературного салона, который посещает весь литературный и артистический Петербург.

Впрочем я должен оговориться, что название салона пожалуй и не совсем подходит к тем литературным обедам и вечерам, которые устраивали у себя Карлгофы, так как эти вечера не носили того регулярного характера, как например вторники Каролины Павловой, среды Карамзиных, пятницы Краевского, субботы Жуковского и т. п.

Дом Карлгофов был очевидно тем гостеприимным домом, куда охотно съезжались Воспоминания пестрят подобными заметками:

«19 октября, день нашей свадьбы, мы праздновали вечером, на котором было более ста человек». «7 ноября у нас был обед, на котором присутствовали Крылов, Кукольник, К. Брюллов, барон Розен, барон Зебах, Н. Полевой и многие другие».

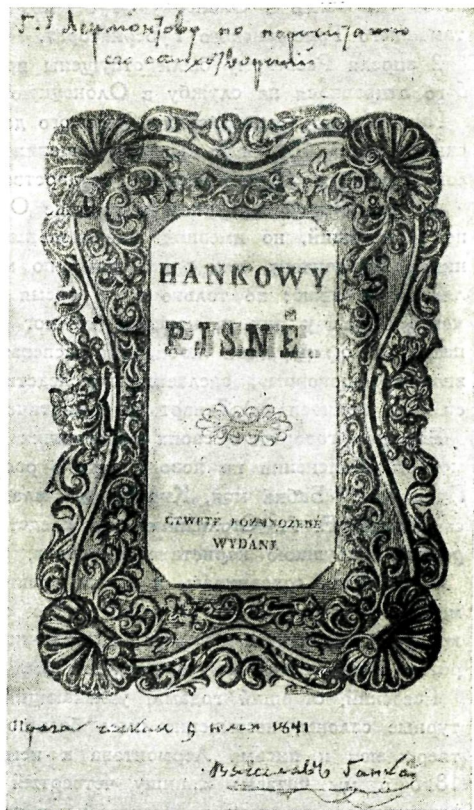
Обратившись к воспоминаниям Драшусовой, мы сразу видим, какая огромная разница существует между ними и воспоминаниями хотя бы Смирновой и Панаевой. Там целый ряд метких, порой несправедливых, но подсказанных умом, желчью, темпераментом характеристик, масса интересных бытовых деталей и подробностей. Здесь — сухое, кичливое перечисление великих имен и ни одного штриха, ни об одном человеке, попавшем в поле зрения автора воспоминаний.

Она видела Крылова, Сенковского, Давыдова, Жуковского, Брюллова, Вяземского, Полевого, Булгарина, наконец Пушкина, но ничего, кроме сухого перечисления этих имен вы не найдете в ее воспоминаниях.

Если о смерти Пушкина у автора воспоминаний находится только несколько сухих строк, то понятно, что смерть другого поэта — Лермонтова — должна была пройти и вовсе незамеченной. Действительно в воспоминаниях о нем нет ни строчки.

И только мысль, что без этого имени ее альбом будет неполным, заставляет ее обратиться к С. А. Раевскому, другу Лермонтова, с просьбой прислать ей какой-либо автограф покойного поэта.

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ
ВЯЧЕСЛАВА ГАНКИ «ПЕСНИ»
С ДАРОВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
АВТОРА ЛЕРМОНТОВУ
Публичная Библиотека СССР
им. Ленина, Москва

Святослав (Святополк) Афанасьевич Раевский (1808—1876) был крестником Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной, бабушки М. Ю. Лермонтова, и в детские годы долго жил в имении Арсеньевой в с. Тарханах, Пензенской губернии, вместе с Лермонтовым, который был моложе его на 6 лет. По окончании курса в Московском университете в 1828 г. он переехал в Петербург, где и служил сначала в Министерстве финансов, а с 1836 г. в Департаменте Государственных имуществ.

П. А. Висковатов в своей биографии Лермонтова² пишет, что Раевский был старше Лермонтова года на три. На самом деле Раевский родился в 1808 г., а Лермонтов в 1814 г. Таким образом разница в возрасте была не на три года, а на шесть. Также неверно утверждение Висковатова, что Раевский был университетским товарищем Лермонтова. Раевский окончил Московский университет уже в 1828 г., в то время как Лермонтов поступил в него, согласно прошения, лишь 1 сентября 1830 г., получив свидетельство об увольнении 18 июня 1832 г.

Раевский был близок к литературе и хотя сам ничего не писал, но бывал в кругу литераторов, был довольно близок с А. А. Краевским, издателем «Отечественных Записок» и «Литературных прибавлений» и «Русскому Инвалиду».

К сожалению сведений о Раевском до нас почти не дошло. Все, что мы знаем о нем, — это то, что связано с его именем по делу «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского Полка Лермонтовым — «На смерть Пушкина».

21 февраля 1837 г. Раевский был арестован по распоряжению графа П. А. Клейнмихеля за распространение стихотворения Лермонтова.

25 февраля состоялось высочайшее повеление: «лейб-гвардии Гусарского полка корнета Лермонтова перевести тем же чином в Нижегородский Драгунский полк», а губернского секретаря Раевского «выдержать под арестом в течение одного месяца, а

потом отправить в Олонекскую губернию для употребления на службу по усмотрению тамошнего Гражданского Губернатора).

2 апреля Раевскому были отпущены прогоны на три лошади — 83 р. 58 к. — и он 5-го отправился на службу в Олонекскую губернию.

Интересную характеристику Раевского дает в своих записках В. А. Инсарский («Русский Архив» 1873 г.): «По возвращении моем в Петербург, я скоро был сделан столоначальником (Департамента Государственных Имуществ).

Другим столоначальником в том же Отделении был Раевский, кажется, сам ничего не написавший, но имевший значительные литературные связи. Был ли он родственником Лермонтову, или однокашник по месту образования, или, наконец, просто земляк, я не знаю; но только в то время они жили вместе с Лермонтовым. Я весьма часто бывал у них и, конечно, не мог предвидеть, что этот некрасивый, мало симпатичный офицер, так любивший распевать тогда не совсем скромную песню, под названием «поповны», сделается впоследствии знаменитым поэтом. Этот Раевский постоянно приносил в Департамент поэтические изделия этого офицерика».

Вот как говорит о своих отношениях к Лермонтову сам С. А. Раевский в письменном объяснении по поводу дела о распространении стихов Лермонтова «На смерть Пушкина»: «Бабка моя, Киреева, во младенчестве воспитывалась в доме Столыпиных, с девицею Е. А. Столыпиною, впоследствии по мужу Арсеньевую, (дамою 64-х лет, родною бабушкою корнета Лермонтова, автора стихов на смерть Пушкина).

«Эта связь сохранилась и впоследствии между домами нашими, Арсеньева крестила меня в июне в 1809 г. и постоянно оказывала мне родственное расположение, по которому — и потому что я, отличные способности в молодом Лермонтове, коротко с ним сошелся — предложены были в доме их стол и квартира».

Раевский, старший годами, увлекающийся литературой и вхожий во многие литературные салоны, несомненно имел большое влияние на Лермонтова. Это же нам подтверждают и письма Лермонтова к нему. Так в письме из Тархан от 16 января 1836 г. мы читаем: «...пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве»³ и в том же письме: «Я опасаясь, что моего «Арбемина»⁴ снова не пропустили и этой мысли подало повод твое молчание. Но об этом будет». И значительно позже в письме от 8 июня 1838 г. Лермонтов снова сообщает о ходе своих литературных работ своему другу: «Роман, который мы с тобой начали⁵, затянулся и вряд ли кончится, ибо обязательства, которые составляли его основу, переменялись, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины».

Крайне досадно, что не сохранилось писем Раевского к Лермонтову, а его письма к другим адресатам не опубликованы, хотя они могли бы дать много сведений о Лермонтове.

Сам Раевский, хотя и дожил до 1876 г., ни разу печатно не дождался поделиться своими воспоминаниями о Лермонтове, а биограф и редактор Лермонтова П. А. Висковатов, когда стал работать над Лермонтовым, уже не застал его в живых.

Раевский лишь раз, в 1860 г., узнав, что А. П. Шан-Гирей, родственник и близкий друг Лермонтова, собирается опубликовать материалы о Лермонтове, счел своим долгом прислать письмо Шан-Гирею, в котором благородно умаляет вину Лермонтова перед ним, объясняя, что показания Лермонтова были даны уже после снятия допроса с него и ничего не прибавил к тому, что он сам сказал о себе.

Многое сообщил Раевский словесно Хохрякову, который собирался писать биографию Лермонтова, но так и не написал ее.

Материалами Хохрякова пользовался П. А. Висковатов в своей работе над биографией Лермонтова. Часть этих материалов Хохряков передал в Гос. Публичную Библиотеку, часть подарил Висковатову, который собирался позже передать их той же Публичной Библиотеке.

Как бы то ни было свидетельств Раевского о Лермонтове почти не осталось и Висковатов, собирая материалы для биографии Лермонтова и посетив сестру Раевского — Соловцову, смог прибавить лишь небольшую черточку к взаимным отношениям двух друзей. Вот что пишет он по этому поводу: «Во время поисков за материалами для

биографии Лермонтова, пришлось нам проездом по Марининско-Сызранской дороге встретиться с сестрою Святослава Афанасьевича, Анной Афанасьевной Соловцовой, рожденной Раевской. Она помнила, как брат ее вернулся из ссылки в Петербург, как была обрадована старушка-мать и как через несколько часов вбежали в комнату Лермонтова и бросился на шею к ее брату. Я помню, как он его целовал и потом все гладил и говорил: «Прости меня, прости меня, милый». Я была ребенком и не понимала, что это значило, но как теперь помню растроганное лицо Лермонтова и его большие, полные слез, глаза. Брат был тоже растроган до слез и успокаивал друга своего»⁶.

На просьбу Карлгоф-Драшусовой С. А. Раевский ответил в 1844 г. следующим письмом⁷.

«Соображения Лермантова сменялись с необычайною быстротою и как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко и я бывал свидетелем, как во время размышлений противника его в шахматной игре, Лермантов писал драматические отрывки, замещаая краткие отдыхи своего поэтического пера быстрыми очерками любимых его предметов: лошадей, резких физиогномий и т. п.

Для сохранения воспоминаний об этой отличительной черте, Раевский с отличным почтением, присылает Ее Превосходительству Елизавете Алексеевне собственноручный листок Лермонтова, согласно желанию Ее.

10 июля 1844

с. Раевка»⁸.

При этом послании был приложен отдельный листок Лермонтова, который мы воспроизводим ниже. На одной стороне этого листка, с несколько оборванными краями, имеются два наброска стихотворений, а другая заполнена неоконченными рисунками, изображающими типичные для Лермонтова головы, наброски лошадей, ружья и всадника, исполненные пером и чернилами.

Никто моим словам не внемлет... Я один.
 День гаснет... Красными рисуясь полосами
 На запад уклонились туч[ь]и* и камин
 Трещит передо мной — я полон весь мечтами,
 О будущем... и дни мои толпой
 [Безмолвною]** Однообразною проходят предо мной
 [С них время]** И тщетно я ишу смущенными очами
 Меж них хоть день один отмеченный судьбой!

Мое грядущее в тумане
 Было[е]*** полно мук и зла
 Зачем [так поздно иль так рано]**** не позже иль не ране
 Меня природа создала?
 К чему творец меня готовил
 Зачем так грозно прекословил
 Надеждам юности моей?
 Добра и зла он дал мне чашу
 Сказал: я жизнь твою украшу
 Ты будешь славен меж людей.

[Огонь в уста твои вложу я]****
 [Дам власть мою твоим словам]****

* В рукописи „тучь“ — явная описка: по смыслу следует: „тучи“.

** Взятые в квадратные скобки в рукописи зачеркнуто.

*** Буква „е“, взятая в квадратные скобки, в рукописи отсутствует. Явная описка.

**** Взятые в квадратные скобки в рукописи зачеркнуто.

И я словам его поверил
 И полный волею страстей
 Я будущность свою измерил
 Обширностью души своей;
 С святыней зло во мне боролось
 Я удержал святыни голос,
 Из сердца слезы выжал я,
 Как юный плод лишенный сока,
 Оно увяло в бурях рока [х] *
 Под знойным солнцем бытия.

Тогда для поприща готовый
 Я дерзко вник в сердца людей
 Сквозь непонятные покровы
 Приличий светских и страстей.

Первый набросок «Никто моим словам не внемлет» является совершенно новым и не имеет отражения ни в одном из опубликованных до сего времени стихотворений Лермонтова.

Что касается второго стихотворения «Мое грядущее в тумане», то его близость с напечатанным во всех изданиях сочинений Лермонтова «Гляжу на будущность с боязнию» совершенно несомненна.

Привожу целиком это последнее, так как для нас интересно и важно их сопоставление.

Гляжу на будущность с боязнию,
 Гляжу на прошлое с тоской
 И, как преступник перед казнию,
 Ищу кругом души родной.
 Придет ли вестник избавленья
 Открыть мне жизни назначенье,
 Цель упований и страстей,
 Поведать, что мне бог готовил,
 Зачем так горько прекословил
 Надеждам юности моей?

Земле я отдал дань земную
 Любви, надежд, добра и зла;
 Начать готов я жизнь другую,
 Молчу и жду... Пора пришла...
 Я в мире не оставлю брата;
 И тьмой и холодом объята
 Душа усталая моя:
 Как ранний плод, лишенный сока,
 Она увяла в бурях рока,
 Под знойным солнцем бытия

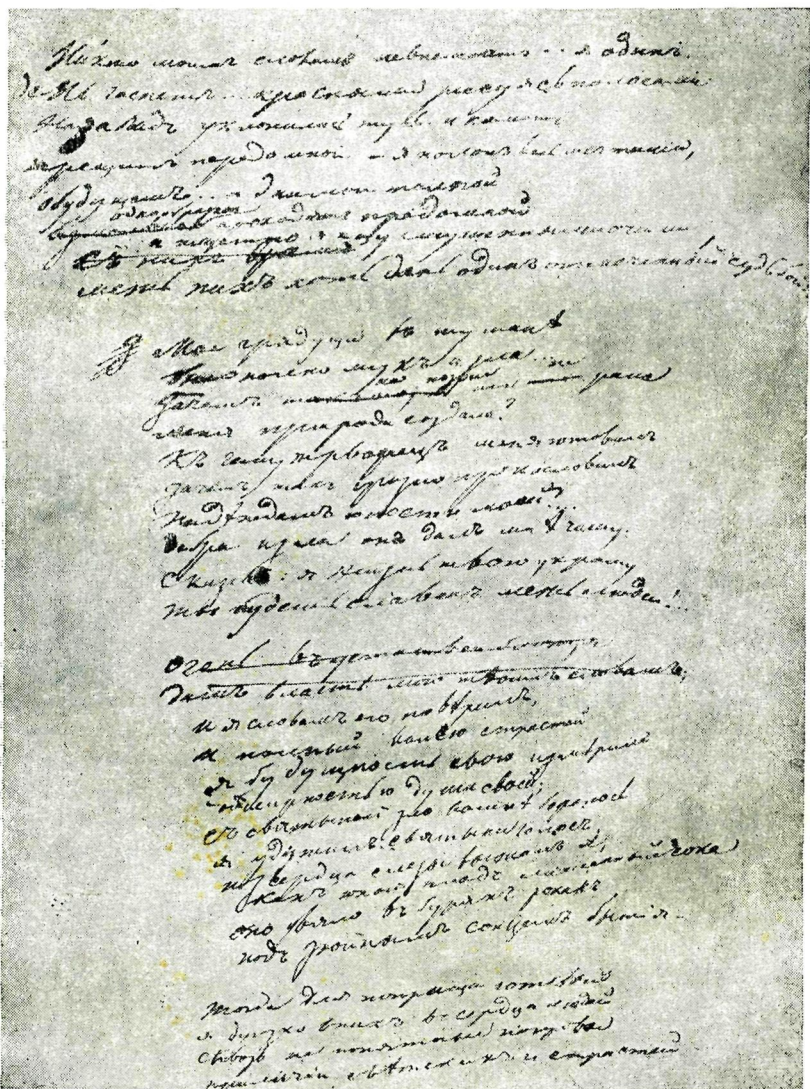
Даже беглое сопоставление этих стихотворений с полной убедительностью показывает, что мы имеем здесь новое стихотворение Лермонтова, написанное ранее и послужившее для возникновения через некоторое время другого, близкого по тематике к первому.

Мы знаем, что Лермонтов вообще в процессе своего творчества сплошь да рядом обращался к своим более ранним творениям, используя их тематику и иногда даже словесные образы.

* В рукописи: „роках“ — описка.

Часто одна и та же тема проходит у него период длительного вынашивания и обработки, что мы имеем например с творческой историей «Демона», «Маскарада» и других вещей, до тех пор пока не отольется окончательно в более совершенные и законченные формы.

Иногда он берет целые фразы из своих ранних стихов и набросков и вставляет их в более поздние, иногда тематически довольно отдаленные.

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА «НИКТО МОИМ СЛОВАМ
НЕ ВНЕМАЕТ...»

Государственный Литературный Музей, Москва

С. Н. Дурюлин в своей последней работе «Как работал Лермонтов» (М., 1934) достаточно полно и подробно остановился на вопросе о лермонтовских самозаимствованиях, почему я и не касаюсь этого.

Остается установить, к какому году следует отнести публикуемые нами стихотворения, так как на самом листке нет даты и в сопроводительном письме Раевского на имя Е. А. Карлгоф об этом ничего не говорится.

Поскольку оба стихотворения написаны на одном и том же черновом листке, тем же почерком и чернилами, — мы считаем возможным датировать их одним и тем же годом.

Стихотворение «Гляжу на будущность с боязнью» отнесено и в Академическом издании под редакцией Д. И. Абрамовича и в одномтомном издании Государственного

РИСУНКИ ЛЕРМОНТОВА НА ОБОРОТЕ АВТОГРАФА СТИХОТВОРЕНИЯ
«НИКТО МОИМ СЛОВАМ НЕ ВНЕМЛЕТ...»
Государственный Литературный Музей, Москва

издательства 1928 г. к 1837 г. Следует отметить, что почти все издания Лермонтова относят его именно к этому году и только в 5-томном издании Елизаветы Гербек, вышедшем в 1891 г. под редакцией И. М. Болдакова, оно отнесено к 1835—1836 гг.

Основанием для такой датировки (к 1837 г.) служит то обстоятельство, что автограф этого стихотворения в тетради Чертковской библиотеки, находящейся в Истори-

ческом музее в Москве, помещен на листе 42-м вместе со стихотворениями: «Она поет и звуки тают», «Кинжал» и посвящением к «Казначейше», которые датируются 1837 г., почему приходится отнести и это стихотворение с весьма большой вероятностью к тому же году.

Публикуемое нами стихотворение «Мое грядущее в тумане» весьма близко к автографу Чертковской библиотеки: совпадающие строчки написаны почти так же, с теми же например башенками над «ятами» и другими особенностями лермонтовской палеографии.

Считать наш отрывок более поздним, чем «Гляжу на будущность с боязнью», у нас нет никаких оснований, так как он гораздо слабее своего опубликованного собрата.

Однако едва ли мы можем отнести наши наброски к 1837 г., году написания «Гляжу на будущность с боязнью», так как мы знаем, что уже в начале этого года, 21 февраля, Раевский был арестован, а затем отправлен в ссылку в Олонецкую губернию, из которой возвратился в Петербург лишь в декабре 1838 г.

Правда, 29 мая 1838 г. ему дается отпуск в Петербург и «к водам морским в Эстляндии», но в это свое посещение Петербурга он очевидно с Лермонтовым не встречался.

По крайней мере рассказ Соловцовой о трогательном свидании ее брата Раевского с Лермонтовым, в котором М. Ю. просил прощения у Раевского, датирует эту встречу концом 1838 года, т. е. временем окончательного возвращения Раевского в Петербург. Психологическая обстановка этой встречи исключает возможность предварительного свидания, так как вся острота и напряженность ее проистекает именно из непосредственности первого свидания.

Таким образом, Раевский с февраля 1837 года и до конца 1838 г. разъединенный с Лермонтовым не мог, естественно, подбирать черновых листков с лермонтовскими набросками.

Однако значительная разница между этими двумя стихотворениями, значительно более слабая редакция первого, заставляют предположить между ними промежуток не менее, чем полгода.

Итак, если, с одной стороны, можно считать доказанным, что сообщаемые стихотворения не могут быть отодвинуты далее начала 1837 г., то, с другой стороны, для установления границ на первый взгляд нет никаких оснований.

Здесь приходится обратиться за помощью к биографии Лермонтова, знакомство с которой и документальная датировка многих произведений Лермонтова дают нам возможность определить и эту границу.

Вопреки мнению, высказанному С. Н. Дурылиным в его книге «Как работал Лермонтов», что творчество М. Ю. не распадается, как у Пушкина, на периоды, мы считаем, что и у Лермонтова, хотя и не так четко, как у Пушкина, можно проследить в творчестве несколько совершенно различных периодов.

Годы 1833—1835 падают сначала на пребывание Лермонтова в школе гвардейских прапорщиков, а затем, по выходе из нее корнетом Лейб-гвардии гусарского полка, на усиленную светскую жизнь, когда он, по собственному выражению, не пишет романы, а переживает их.

К этому времени относится и заключительная, довольно неблагоприятная концовка его романа с Е. А. Сушковой.

В годы 1833—1834 написаны все его неприличные «юнкерские» поэмы: «Гошпиталь», «Уланша», «Петергофский праздник» и совсем отсутствуют лирические стихотворения.

Но к 1835 г. в нем уже снова пробуждаются основные мотивы его творчества и он работает над «Маскарадом», пишет «Боярина Оршу» и стихотворение «Опять народные витии».

В 1836 г. он пишет «Умирающего гладиатора», «Русалку», «Ветку Палестины», «Как одинокая гробница», «Молитва странника», «Еврейскую мелодию», наконец драму «Два брата» и повесть «Княгиня Лиговская».

Во всех этих произведениях уже звучат мотивы раздумья, горести, ирония против окружающей пошлой действительности и намечается тот перелом, который охарактеризован самим Лермонтовым в его словах «Мое грядущее в тумане, бывшее полно мук и зла».

Но это мироощущение еще туманно, еще не достаточно выкристаллизовалось, не столь четко и законченно, как в стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью» и вообще в целом ряде других стихов того же 1837 г.

Таким образом мы, мне кажется, не ошибемся, если отнесем сообщаемые нами стихотворения именно к 1836 г. Второе из них («Мое грядущее в тумане») является заключительной концовкой к тому, с чем порвал к 1837 г. Лермонтов, и как бы выступлением к тому периоду, который открывается стихотворением «На смерть Пушкина».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее время автографы эти хранятся в Государственном Литературном Музее.

² Сочинение М. Ю. Лермонтова. Первое полное издание В. Ф. Рихтера, под ред. П. А. Висковатова, т. VI., Биография, составленная П. А. Висковатовым М., 1891.

³ Имеется в виду драма «Два брата».

⁴ Первоначальное название «Маскарада».

⁵ Речь идет о «Княгине Лиговской».

⁶ См. «Вестник Европы» 1887, т. I, стр. 345.

⁷ Приводим с сохранением пунктуации и особенностей правописания подлинника.

⁸ Письмо Раевского к А. П. Шан-Гирею от 1860 г., опубликованное в «Русском Обозрении» за 1890 г., носит ту же пометку «с. Раевское».

II. НОВЫЕ ПИСЬМА ЛЕРМОНТОВА

Сообщения В. Мануйлова и А. Михайловой

1. ПИСЬМО к Е. А. АРСЕНЬЕВОЙ

Уволенный „в отпуск по домашним обстоятельствам“ приказом по Отдельному гвардейскому корпусу 9 декабря 1835 г. „лейб-гвардии гусарского полка корнет Лермонтов“ почти всю зиму пробыл в Тарханах — Пензенском имении своей бабушки Е. А. Арсеньевой и только с 14 марта 1836 г. был опять „зачислен налицо“ в полку¹, Гусары в это время стояли в Царском Селе; старая петербургская квартира на Мойке. в доме Ланскова, где с 1832 г. жила бабушка до ее отъезда в Тарханы, теперь была оставлена, и Лермонтову предстояло устраиваться заново. В дни приезда в Петербург он останавливался обычно у известного весельчака и хлебосола Никиты Васильевича Арсеньева, родного брата деда Лермонтова, в доме за Никольским мостом в Коломне.²

Повидимому отсюда, вскоре после приезда в Петербург, Лермонтов писал бабушке: „насчет квартиры я еще не решил, но есть несколько на примете; в начале мая они будут дешевле по причине отъезда многих на дачу“ и тут же сообщал о покупке лошади у генерала Хомутова за 1580 рублей и, прилагая письмо Григория Васильевича Арсеньева, брата Никиты Васильевича, спрашивал у бабушки, что ему лучше от вечать³.

Продолжение этой переписки, до сих пор бывшее неизвестным, теперь восполняется письмом Лермонтова, находящимся ныне в Государственном Литературном Музее. Письмо не датировано, но несомненно относится к концу апреля или началу мая 1836 г.

Приводим его текст, сохраняя пунктуацию подлинника и некоторые особенности правописания:

Милая бабушка.

Полагая что вы уже в дороге пишу к вам в Москву; последнее мое письмо от 25-го Апреля я думаю вас не застанет в деревне судя потому как вы хотели выехать и к томужь Андрей получил письмо от жены где она пишет что вы думали выехать 20-го Апреля, также и то что не получаю от вас писем заставляет меня думать что вы уже в дороге. Также я думаю милая бабушка что вы не получили моего письма где я писал вам о письмах ко мне Григорья васильевича, — я все еще жду вашего разрешения если вы получили. — Квартиру я нанял на Садовой улице в доме князя шаховского, за 2000 рублей — все говорят что недорого, смотря по числу комнат. — Карета также ждет вас... а мы теперь все живем в царском; государь и великий князь здесь; каждый день ученье, иногда два.

Ожидаю от вас письма милая бабушка оно разрешит мое недоумение.

Прощайте. Целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь покорный внук

М. Лермантов.

Письмо писано на обыкновенной почтовой бумаге без водяных знаков; почерк и подпись не вызывают сомнения в его подлинности⁴.

Это письмо Лермонтова сообщает несколько новых деталей из его петербургской жизни до первой ссылки. Мы знали раньше со слов А. П. Шан-Гирея о том, что „в 1836 году бабушка, соскучившись без Миши, вернулась в Петербург“⁵. Теперь мы можем предположить, что она выехала из Тархан в конце апреля, и знаем, что в это время Лермонтов уже приготовил для нее в Петербурге квартиру с каретой.

Речь идет о квартире на Садовой улице, которая также была уже знакома нам по указателю адресов на 1837 год, а также по адресу на записке С. А. Раевского, посланной Лермонтову из-под ареста во время следствия по делу о стихах на смерть Пушкина⁶. На основании этих данных А. Г. Яцевич установил, что дом кн. Шаховского находился на Садовой улице против пожарной части (ныне д. № 61 по ул. 3 Июля). Тогда это был трехэтажный, с небольшим фронтоном дом, надстроенный четвертым этажом в 1875 г. и пятым в 1903 г.⁷ Теперь мы находим еще одно подтверждение уже рукою Лермонтова. В этой квартире были написаны знаменитые стихи на смерть Пушкина. Сообщение цены за квартиру — 2000 рублей в год — любопытная деталь для характеристики материального быта Лермонтова.

В письме упоминается Андрей Соколов — камердинер Лермонтова из тарханских крепостных. Он был безотчетным казначеем Лермонтова и сопровождал поэта не только до его смерти, но и в 1842 г. перевозил гроб Лермонтова из Пятигорска в Тарханы. Андрей Соколов был видимо хорошо грамотным человеком. 18 октября 1835 г. Арсеньева писала о нем Лермонтову: „Скажи Андрею, что он так давно к жене не писал. Она с ума сходит, все плачет, думает, что он болен. В своем письме его письмо положи“⁸.

Григорий Васильевич Арсеньев⁹ (р. 15 сентября 1777 г. — ум. 21 сентября 1850 г.), родной брат деда Лермонтова Михаила Васильевича, был елецким помещиком и в 1836 г. по всей вероятности жил уже на покое в отставке, женатый на Наталье Алексеевне, урожденной Викулиной. В цитированном выше предыдущем письме к бабушке Лермонтов между прочим писал: „Лизавета Аркадьевна (Столыпина, дочь Аркадия Алексеевича) едет нынче весной с Натальей Алексеевной в чужие края на год; теперь это мода, как было некогда в Англии; в Москве около двадцати семейств собираются на будущий год в чужие края“.

Мы в праве предположить, что в письме Григория Васильевича, которое так озадачило Лермонтова, шла речь именно об отъезде его жены и племянницы, но к сожалению писем Григория Васильевича Арсеньева к Лермонтову не сохранилось.

Не дошло до нас также и письмо Лермонтова от 25 апреля. Впрочем не исключена возможность того, что эти письма будут обнаружены, ибо нет ничего более ошибочного, чем обычное мнение, что по Лермонтову все открыто и изучено. Значительная часть материалов, в том числе может быть и переписка Лермонтова с А. А. Краевским, несомненно существовавшая, все еще ждет своей очереди. Но к сожалению многое гибнет, так и не увидев света. Так например, сгорел в Тифлисе архив кавказского сослуживца Лермонтова К. Х. Мамадева, в котором были неопубликованные письма Лермонтова ¹⁰.

2. ПИСЬМО к С. Н. КАРАМЗИНОЙ

Публикуемое здесь впервые письмо М. Ю. Лермонтова найдено в собрании кн. Н. С. Голицына, принадлежащем архиву Института Русской Литературы при Академии Наук СССР. Хотя конверта при нем не сохранилось, но, без всякого сомнения, оно обращено к Софье Николаевне Карамзиной (1802—1865), дочери писателя и историкографа Н. М. Карамзина, умной, образованной женщине, с которой, по свидетельству П. А. Висковатова, поэт „был особенно дружен“ в последний период своей жизни. К Карамзиным, в их интимный кружок, состоявший из высоко интеллигентных лиц, людей мысли и таланта, Лермонтов приезжал „освежиться“ от скуки и пошлости так называемого „высшего света“.

„Люблю я разговоры ваши
и „ха-ха-ха“ и „хи-хи-хи“,
Смирновой штучки, фарсы Саши
и Ишки Мятлева стихи“ ¹¹

признавался Лермонтов, дружески характеризуя этот симпатичный ему, тесно спаянный кружок („Из альбома С. Н. Карамзиной“, 1840 г.). Напомним, что из гостеприимного дома Карамзиных опальный поэт отправился и в свое последнее, роковое путешествие — ссылку на Кавказ, где тщетно надеялся укрыться от „всевидающего глаза“ и „всеслышащих ушей“ царских жандармов. Уже с дороги, из Ставрополя, где он остановился на день, Лермонтов пишет С. Н. Карамзиной. Несмотря на общий шуточный тон, в конце письма явственно звучат нотки горечи и душевной усталости. Очевидно поэта не покидало то угнетенное состояние, в котором он оставил Петербург. По времени написания (10 мая 1841 г., за два месяца до смерти) это — последнее из дошедших до нас писем Лермонтова, вернее — одно из последних, так как письмо без даты, адресованное бабушке, Е. А. Арсеньевой, тоже из Ставрополя, и до сих пор считающееся последним письмом безвременно погибшего поэта, написано в один день с письмом к С. Н. Карамзиной, что становится ясным из сравнения обоих писем.

Приводимое в письме к Карамзиной стихотворение на французском языке представляет собою воспроизведение текста этих стихов впервые опубликованных П. А. Висковатовым в 1887 г. (в „Русской Старине“, кн. V), после чего неизменно помещалось в каждом собрании сочинений поэта. Интересно, что до появления статьи Висковатова самая принадлежность его Лермонтову оспаривалась, так как предполагали, что автором его был какой-то неизвестный французский поэт, Лермонтов же якобы только списал это стихотворение с целью перевести его. Сравнительно с обычно печатаемым по автографу Государственной Публичной Библиотеки (альбом кн. В. Ф. Одоевского) текстом, в письме к Карамзиной в данном стихотворении есть лишь две незначительные особенности: оно имеет заглавие — „L'attente“ (обычно называется по первой строфе — „Je l'attends“) и в первой строфе вместо „un vieux bouleau“ (старая береза) — „un vieux saule“ (старая ива). В остальном тексты целиком совпадают.

Письмо написано на французском языке, на почтовой бумаге большого формата и содержит 2½ страницы, исписанных мелким почерком. Внизу письма — надпись чернилами, вероятно, рукою С. Н. Карамзиной: „в Тингинском“ ¹². Очевидно, это памятная заметка (Лермонтов служил на Кавказе в Тенгинском пехотном полку с 13 апреля 1840 г. и умер в чине поручика этого полка).

Le 10 mai.

Après d'arriver à Harstad, une Mr. Taylor, et je regardai
le son dessin pour l'expédition avec Holger Bengt.
Après cela moi, le bon sens et une copie de son dessin, et est
certainement le meilleur que j'ai vu de mon
époque que cette lettre est transmise au com. St. Peter
et qui au moment où vous la lisez je m'enfonce
à la recherche de l'expédition comme vous avez la profonde
connaissance de Géographie, je ne vous engage pas à
regarder la carte, pour savoir ce qu'est, mais considérez
votre mission, je suis sûr que c'est entre le nord
occidental et le nord-est, un peu au sud de l'Alaska
et un peu au nord de l'Égypte, et surtout avec peu
St. Asdrac qui vous connaissez à l'ouest
Je ne suis si sûr de rien mais pendant mon voyage
j'ai passé de l'Alaska à la pointe de Denby
j'ai rempli l'Alaska à l'ouest par un chemin direct
ce qui est la partie la plus probable, j'en suis sûr
jusqu'à faire des cartes françaises de l'Alaska
si vous voulez je vous les envoie, et sont
très jolis pour de premiers vers, et dans
la partie de parmy, si vous le connaissez

ПИСЬМО ЛЕРМОНТОВА С. Н. КАРАМЗИНОЙ ОТ 10 МАЯ 1841 г. ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Институт Русской Литературы, Ленинград

Le 10 mai

Je viens d'arriver à Stavropol, chère m-lle Sophie, et je repars le jour même pour l'expédition avec Stolipin Mongo. Souhaitez moi le bonheur et une légère blessure, c'est tout ce que l'on peut me souhaiter de mieux. J'espère que cette lettre vous trouvera encore à St. Petersb. et qu'au moment où vous la lirez je monterai à la breche de Черкей¹³. Comme vous avez de profondes connaissances en géographie je ne vous engage pas à regarder la carte, pour savoir où c'est; mais pour aider votre mémoire je vous dirai que c'est entre la mer Caspienne et la mer Noire, un peu au sud de Moscou et un peu au nord de l'Égypte, et surtout assez près d'Astracan que vous connaissez si bien.

Je ne sais si cela durera; mais pendant mon voyage j'ai été possédé du démon de la poésie, idem, des vers. J'ai rempli la moitié d'un livre que m'a donné Odoevsky, ce lui m'a porté bonheur probablement; je suis allé jusqu'à faire des vers français,—oh! dépravation! Si vous voulez, je vous les écrirai ici; ils sont très jolis pour des premiers vers; et dans le genre de Parny si vous le connaissez.

L'attente.

Je l'attends dans la plaine sombre;
 Au loin je vois blanchir une ombre,
 Une ombre, qui vient doucement...
 Et non!—trompeuse espérance—
 C'est un vieux saule, qui balance
 Son tronc desséché et luisant.

Je me penche, et longtemps j'écoute:
 Je crois entendre sur la route
 Le son, qu'un pas léger produit...
 Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse
 Le bruit d'une feuille, que pousse
 Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse,
 Je me couche dans l'herbe épaisse
 Et m'endors d'un sommeil profond...
 Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
 Sa voix me parlait à l'oreille,
 Sa bouche me baisait au front.

Vous pouvez voir par ceci quelle salutaire influence a eu sur moi le printemps, saison enchantée, où l'on a de la boue jusqu'aux oreilles, et le moins de fleurs possible. — Donc je pars ce soir: je vous avouerai que je suis passablement fatigué de tous ces voyages qui paraissent devoir se prolonger dans l'éternité. — J'ai voulu écrire encore à quelques personnes à Petersbourg, outre-autres à m-me Smirnoff, mais je ne sais si cette action téméraire lui serait agréable, voilà pourquoi je m'abstiens. Si vous me répondez, adressez à Stavropol, в штаб генерала Грабе¹⁴, — je me suis arrangé pour qu'on m'envoie mes lettres — adieu; mes respects je vous prie à tous les vôtres; et encore adieu—portez vous bien, soyez heureuse et ne m'oubliez pas.

t. à v. Lermontoff.

Перевод:

10-го мая.

Я только что приехал в Ставрополь, дорогая м-lle Sophie, и отправляюсь в тот же день в экспедицию с Столыпиним Монго¹⁵. Пожелайте мне счастья и легкого ранения.

это самое лучшее, что только можно мне пожелать. Надеюсь, что это письмо застанет вас еще в С.-Петербурге и что в тот момент, когда вы будете его читать, я буду штурмовать Черкей. Так как вы обладаете глубокими познаниями в географии, то я не предлагаю вам смотреть на карту, чтобы знать, где это; но, чтобы помочь вашей памяти, скажу вам, что это находится между Каспийским и Черным морем, немного к югу от Москвы и немного к северу от Египта, а, главное, довольно близко от Астрахани, которую вы так хорошо знаете.

Я не знаю, будет ли это продолжаться; но во время моего путешествия мной овладел демон поэзии, или — стихов. Я заполнил половину книжки, которую мне подарил Одоевский¹⁶, что вероятно принесло мне счастье. Я дошел до того, что стал сочинять французские стихи, — о разврат! Если позволите, я напишу вам их здесь; они очень красивы для первых стихов и в жанре Парни¹⁷, если вы его знаете.

ОЖИДАНИЕ

Я жду ее в сумрачной равнине; вдали я вижу белесую тень, тень, которая тихо подходит... Но нет! — обманчивая надежда! — Это старая ива, которая покачивает свой ствол, высохший и блестящий.

Я наклоняюсь и долго слушаю: мне кажется, я слышу с дороги звук, производимый легкими шагами. Нет, не то! Это во мху шорох листа, поднимаемого ароматным ветром ночи.

Полный горькой тоски, я ложусь на густую траву и засыпаю глубоким сном... Вдруг я просыпаюсь, дрожа: ее голос говорил мне на ухо, ее уста целовали мой лоб.

Вы можете видеть из этого, какое благотворное влияние оказала на меня весна, чарующая пора, когда по уши тонешь в грязи, а цветов меньше всего. — Итак, я уезжаю вечером; признаюсь вам, что я порядком устал от всех этих путешествий, которым, кажется, суждено продлиться вечно. — Я хотел написать еще кое-кому в Петербург, в том числе и г-же Смирновой¹⁸, но не знаю, будет ли ей приятен этот дерзкий поступок, и потому воздерживаюсь. Если вы ответите мне, пишите по адресу: в Ставрополь, в штаб генерала Грабе¹⁹, — я распорядился, чтобы мне пересылали письма — прощайте; передайте пожалуйста всем вашим мое почтение; еще раз прощайте — будьте здоровы, счастливы и не забывайте меня.

Весь ваш Лермонтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Д. В. Ракович, Тенгинский полк на Кавказе. Тифлис. 1900 г. Приложения, стр. 29 и П. Е. Щеголев. „Книга о Лермонтове“ вып. I, 1929 г., стр. 226.

² М. Н. Лонгинов, Сочинения, 1915 г., т. I, стр. 292—293.

³ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений под ред. Б. М. Эйхенбаума. 3-е изд. М.-Л. 1929 г., стр. 630.

⁴ Установить точную историю письма нам не удалось. В. А. Флёрв получил его вместе с другими автографами в 1928 г. от Серафимы Петровны Мошиной, вдовы балетриста Алексея Николаевича Мошина (1870—1928).

⁵ „Русское Обозрение“ 1890 г., кн. 8, стр. 738.

⁶ П. А. Висковатов, М. Ю. Лермонтов, 1891 г., стр. 247.

⁷ А. Г. Яцевич, Пушкинский Петербург, ч. II, Л. 1931 г., стр. 201.

⁸ П. Е. Щеголев, Книга о Лермонтове, вып. I, 1929 г., стр. 225.

⁹ В лермонтовской литературе о Григории Васильевиче Арсеневе никаких сведений не сообщается, а вместе с тем точные данные о нем можно найти в „Московском Некрополе“, т. I, 1907 г., стр. 57, а также в книге В. С. Арсеньева, Род дворян Арсеневых (1389—1901 г.) Изд. М. Т. Яблочкова, 1903 г. Тула, стр. 54.

Основные даты его биографии таковы: в 1798 г. — выпущен поручиком в Козловский полк; в 1799 г. — произведен в поручики; в 1803 г. — в штабс-капитаны. В 1805—1806 гг. — капитаном принимал участие в походе Неаполитанского корпуса и был на острове Корфу; затем участвовал в эскадрой Сенявина в десанте и в сражении при взятии крепости и отражении турок на острове Тенедосе в 1807 г., где был контужен. За участие в делах при взятии Измаила и Базарджика награжден орденом Владимира 4 степени, затем находился при блокаде Шумлы и взятии Рущука в 1809—1810 гг. Тогда же Г. В. был переведен майором в Куринский полк и произведен в подполковники в 1811 г.

¹⁰ Известие о гибели архива К. Х. Мамацева получено нами от И. Л. Андронникова.

¹¹ А. О. Смирнова, урожденная Россет (см. дальше).

Саша — брат Софии Николаевны, Александр Николаевич Карамзин (1816 — 1888), поэт (стихи в „Современнике“ 1843 г., в „Отечественных Записках“ 1839 г. и повесть в стихах „Борис Ульин“ 1839 г.)

Поэт Иван Петрович Мятлев (1796—1844)—автор юмористической поэмы „Сенсации и замечания г-жи Курдюковой“ и ряда песенок. К нему обращено стихотворение Лермонтова „В альбом автору Курдюковой“, на которое Мятлев ответил стихотворением „Мадам Курдюкова Л-ву“.

¹² Орфография подлинника.

¹³ Подчеркнуто Лермонтовым.

¹⁴ Орфография подлинника.

¹⁵ Алексей Аркадьевич Столыпин, прозванный „Монго“, — двоюродный брат матери М. Ю. Лермонтова, товарищ по юнкерской школе и близкий друг поэта.

¹⁶ Князь Владимир Федорович Одоевский (1803—1869) — писатель и философ, автор „Русских ночей“, друг Лермонтова, подаривший ему 13 апреля 1841 г. свою старую любимую записную книгу с тем, чтобы Лермонтов возвратил ему ее, всю исписанную. Записная книга эта была возвращена Одоевскому 30 декабря 1843 г. родственником убитого поэта Е. Е. Хвостатовым. Теперь находится в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде.

¹⁷ Парни (1753—1814) — французский поэт, представитель так называемой „легкой поэзии“ (poésie légère), отличавшейся эпикурейским настроением. Оказал между прочим влияние на раннее творчество Пушкина.

¹⁸ Александра Осиповна Смирнова-Россет (1809—1882), член кружка Карамзиных, известная в истории русской литературы по своим дружеским связям с Жуковским, Пушкиным и Гоголем. Посетителем ее салона был и М. Ю. Лермонтов, посвятивший ей стихотворение („Без вас хочу сказать так много“).

¹⁹ Граббе, Павел Христофорович (1789—1875)—член Союза Благоденствия, привлекался по делу о декабрьском восстании 1825 г. Впоследствии (во времена Лермонтова)—командующий войсками на Кавказской линии и в Черноморьи. Его „Записки“ — в „Русском Архиве“ (1873 и 1888—1889 гг.).